

Несмотря на то что она часто говорила притеснявшим её слугам, что она принцесса и что они не могут обменять свою жизнь на её, этот евнух был из дворца Чжаохуа. В тот момент принцесса Фэнъян почувствовала себя совершенно опустошённой. Как принцесса, она не имела никакой опоры в императорском дворце, словно рыба на разделочной доске, она не жила, а просто существовала, и её смерть никого бы не обеспокоила.

На мгновение принцесса Фэнъян перестала сопротивляться.

Однако в её жилах всё ещё текла непокорная кровь, и её жалкое достоинство не позволяло ей смириться с таким унижением. Какая-то сила наполнила её грудь, заставив её вцепиться зубами в грязного евнуха и убить его!

Эти эмоции, хотя и немного рассеялись с приходом Гу Цина, но годы накопленной ярости не могли просто исчезнуть.

Гу Цин спокойно смотрел на принцессу Фэнъян, видел, как из её глаз текли кровавые слёзы, и слышал её беззвучный крик.

Слуги опустили на колени.

Гу Цин тихо сказал:

— Хорошо.

Многособытийное лето

Одни только наводнения заставляли всех усердно работать, не говоря уже о том, что это было связано с политическими играми. Некоторые пытались воспользоваться ситуацией, другие наблюдали со стороны, но никто не ожидал, что император Цзинтай пойдёт на такой рискованный шаг, объявив о нисхождении небесной феи, и это дало неожиданный эффект.

После этой волны внимание наконец переключилось на помощь пострадавшим.

Министерство общественных работ ускорило разработку цемента, Министерство финансов занималось сбором средств для помощи, Кабинет министров обсуждал план действий, и даже дворцовое управление, получив разрешение императора Цзинтая, выставило на продажу рецепты мазей для лица, рук и зубного порошка, которые они сами разработали, чтобы привлечь купцов, спешивших на новость.

Хотя это и было сделано под эгидой дворцового управления и предназначалось для использования во дворце, многие купцы, желавшие завоевать расположение управления или подняться выше, были готовы заплатить за это, даже если это было пустой тратой денег. Более того, дворцовое управление предложило им нечто, превосходящее их ожидания, и в результате

они смогли собрать сотни тысяч серебряных монет на помощь пострадавшим.

В этой суматохе поездка принцессы Фэнъян в императорский храм Синлун для молитвы о благополучии Великой Чжоу не вызвала никакого ажиотажа.

Даже если кто-то и услышал об этом, он быстро понял, что молитвы были лишь предлогом, и принцесса Фэнъян, похоже, была окончательно отвергнута, поэтому никто не обратил внимания на то, что произошло с ней в храме Синлун.

А в дворце Чжаохуа исчезновение евнуха второго ранга вообще не вызвало никакого резонанса. Без него нашлось множество других евнухов, готовых занять его место, да и в дворце каждый год умирало множество людей — даже простая простуда могла убить.

Поэтому Гу Цин, стоявший за этим, продолжал оставаться в тени.

Однако в Министерстве общественных работ Гу Цин на этот раз не остался в стороне. Когда министерство занималось распределением цемента, он вовремя вмешался, предоставив подробные данные о наиболее пострадавших регионах и предложив, какие материалы лучше использовать для местного производства цемента.

Министр общественных работ Ши Цзюянь в итоге поручил ему помочь с этим проектом.

Отношение в министерстве к даосу Чаншэну, предоставившему рецепт цемента, было неоднозначным. Цемент действительно был полезен для страны и народа, но все считали, что император Цзинтай слишком преувеличил, назвав Чаншэна нисшедшим с небес. Если бы Чаншэн действительно был бессмертным, почему бы он просто не остановил проливные дожди?

Он выглядел как обычный шарлатан, но император Цзинтай, похоже, попал под его чары!

Более того, Чаншэн просто попал в точку, угодив императору и польстив императрице Хэ — настоящий мастер лести!

Гу Цин, слыша такие насмешки, оставался спокойным, словно между ним и Чаншэном не было никакой связи.

И это было правдой — что общего могло быть у второго принца и даоса Чаншэна?

Стоит отметить, что император Цзинтай также задавался вопросом, почему Чаншэн не остановил стихийное бедствие, а лишь предоставил рецепт цемента. Но он решил, что, раз Чаншэн спустился с небес не по правилам, то потерял свои силы.

К тому же, разве даосизм не говорит: «Небо и земля безжалостны, они относятся ко всему как к соломенным собакам», но «из пятидесяти путей Великого Дао, сорок девять predeterminedены, а один оставлен для человека»? Рецепт цемента и был этим шансом.

Кроме того, Чаншэн, раскрыв небесную тайну, был поражён молнией в храме Линтай, и многие видели, как он вышел невредимым из разрушенного зала Трёх Чистых. Разве это не доказательство того, что он — нисшедший с небес?

Император Цзинтай ещё больше полюбил его за то, что он пострадал ради Великой Чжоу, и позволил ему уединиться для восстановления, не беспокоя его без нужды, ведь с цементом разберётся Министерство общественных работ.

А Гу Цин, как второй принц, также проявил свои таланты в этом проекте. Он быстрее других схватывал суть и предлагал новые идеи, что значительно ускорило работу министерства.

Кроме того, Гу Цин, казалось бы, случайно предложенные им методы управления водными ресурсами и их отвода, на первый взгляд казались абсурдными для министра Ши Цзюяня и его заместителей, но после размышлений они поняли, что это может сработать, и в итоге разработали жизнеспособный план.

Когда он был представлен на собрании, император Цзинтай похвалил их.

Министр Ши Цзюянь в своём докладе также упомянул второго принца, причём на довольно видном месте.

Император Цзинтай, взглянув на это, даже не спросил Ши Цзюяня и сразу заявил:

— Министр Ши, не стоит учитывать статус второго принца, выделяя ему заслуги. Если так делать, то как же быть с остальными чиновниками, обладающими настоящими талантами?

Ши Цзюянь попытался возразить:

— Ваше Величество, я...

Император Цзинтай махнул рукой:

— Министр Ши, не беспокойтесь, просто чтобы это больше не повторялось.

Ши Цзюянь:

— .....

Заместители министра:

— .....

Они знали, что император Цзинтай видит только наследного принца, но чтобы настолько глубоко укоренилось мнение, что «кроме наследного принца, все остальные принцы — ничтожества»? Более того, он прямо на собрании навесил на второго принца ярлык «бесполезного принца»?

И что самое удивительное, второй принц был прямо в зале.

Гу Цин, как второй принц, не занимал официальной должности в Министерстве общественных работ, но, будучи принцем, он имел право присутствовать на собраниях. Сейчас он стоял позади наследного принца Сыту Цзина, опустив глаза, с бледным лицом, и выглядел крайне подавленным.

По крайней мере, так это видели те, кто знал правду.

На самом деле, Гу Цин нисколько не удивился такой реакции императора Цзинтая. Когда он сам устроился в Министерстве общественных работ, он уже ожидал этого. Для императора Цзинтая он был незначительной фигурой, не заслуживающей внимания, и поэтому ему было крайне трудно получить власть.

Здесь власть должна была быть явной и признанной.

Таким образом, пока он не имел прочной основы, даже если бы он представил рецепт цемента, это не стало бы объявлением Хэ Ваньцин о том, что второй принц — «перерожденец», да и не соответствовало бы образу непризнанного принца. Более того, это не привлекло бы внимания императора Цзинтая и не привело бы к использованию цемента для борьбы с наводнениями, а в дальнейшем и для других целей при поддержке императора.

Поэтому косвенный путь был необходим.

Подождите, вычеркните «спасение страны».

Ещё подождите, он что, только что признался в чём-то?

Тогда вычеркните и этот фрагмент, ведь Гу Цин никогда не признается, что Чаншэн — его альтер эго, даже если маскировка — это не такая игра.

К тому же, у какого альтер эго всё идёт как по маслу, а оригинал остаётся жалким и слабым?

Эх.

Однажды, когда заместитель министра чиновников Ян Чэ вернулся домой после собрания, его вызвал к себе старейшина Ян Сюй.

Ян Сюй, бодрый и энергичный, не спеша сказал своему старшему сыну:

— Слышал, ты отправил свою жену в храм Синлун для молитв? Если уж она так хочет, пусть лучше пойдёт в храм Линтай.

— Отец! — Ян Чэ нахмурился. — Обычно мы не можем помочь из-за расстояния, но теперь, когда принцесса Фэнъян покинула дворец, мы должны позаботиться о ней.

Ян Сюй оставался невозмутимым:

— Я это понимаю.

Но он всё же не изменил своего мнения, и Ян Чэ повысил голос:

— Ведь это единственная кровь нашей сестры, вы же знаете, как она...

— Замолчи. — Ян Сюй всё так же не спешил. — Я знаю, ведь это я сам попросил указ о низложении императрицы.

И сам ушёл с поста главы Кабинета.

Оказалось, что Ян Сюй был отцом низложенной императрицы Ян, дедом принцессы Фэнъян.

Ян Чэ промолчал.

<http://bllate.org/book/15394/1359544>